

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298

УДК 81:39-81'373

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД ПОЗНАНИЯ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

Л.Ю. Буянова

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

Данная статья посвящена актуальной проблеме современной лингвистики — изучению фразеологии как когнитивно-семиотического «слоя» русской лингвокультуры, в единицах которого органично сопряжены разнофакторные знания о жизни народа и его духовном наследии. Цель статьи — показать когнитивную и функционально-семантическую уникальность русских фразеологических единиц (ФЕ) как культурно-конфессиональных маркеров и операциональных единиц, посредством которых формируется русская фразеологическая картина мира. Материалом статьи послужили различного типа ФЕ, извлеченные методом сплошной выборки из авторитетных фразеологических словарей и сборников русских пословиц и поговорок. Ключевым выступает описательный метод, применялись также методы когнитивного анализа, семантического моделирования, интерпретационный анализ. Впервые анализ ФЕ выполняется в рамках нового направления современной лингвокультурологии, разрабатываемого автором, — **лингвоконфессиологии**, а ФЕ интерпретируется как культурно-конфессиональный знак, как сложный **фразеоконфессионим**. Данный аспект исследования позволяет сделать актуальный вывод о том, что ФЕ представляют собой этнокультурно и **конфессионально** маркированную знаковую структуру как результат членения и категоризации мира. Результатом авторских наблюдений стало выводное знание о том, что во фразеологическом ярусе национального языка представлен во всей полноте и уникальности образ национальной души, раскрыта цивилизационная эволюция самого этноса и его нравственно-духовные и конфессиональные ценности, стереотипы, опыт, мудрость; разработана и имплицитно выражена национальная программа обустройства своего мира и жизни.

Ключевые слова: фразеологическая единица, базовые ценности, конфессиональная культура, менталитет, фразеологическая картина мира, код познания, православная этика, языковая концептуализация, лингвоконфессиология

ВВЕДЕНИЕ

Исследование фразеологической системы национального языка в современной гуманитарной парадигме предусматривает охват самых разнообразных модусов ее репрезентативной семантики, прагматики, семиотики и функциональности. Когнитивная фразеология как актуальное направление лингвистики XXI-го века характеризуется усилением внимания к таким аспектам фразеологических единиц различных типов, как сложность когнитивной организации, специфическая корреляция гносеологического, семантико-смыслового, ассоциативно-образного, этического и духовно-религиозного механизмов объективации знания о мире,

полученного человечеством в процессе длительного исторического цивилизационного развития.

Особый акцент в статье сделан на **лингвоконфессиональном** аспекте фразеологического знака, так как, несмотря на сравнительно длительную историю изучения ФЕ в триаде «религия — язык — человек» (Л.П. Крысин, О.А. Прохвятилова, В.И. Постовалова, Л.Л. Григорьева, Н.Б. Мечковская и др.), специфика фразеологических единиц как лингвоконфессиональных репрезентант, как лингвоконфессиональных маркеров еще не затрагивалась в современной лингвистической парадигме знания. В то же время сегодня как никогда актуальны исследованием онтологии и корреляции таких взаимосвязанных и взаимообусловленных феноменов, как **язык и конфессия**: религия народа репрезентирована в рамках определенной конфессии, без чего она не может существовать, таким образом, любая конфессия — всегда религиозна.

Лингвоконфессиональный подход к дальнейшему изучению специфики ФЕ, как видится автору, позволит сегодня именно через комплексное исследование языка той или иной **конфессии** осознать, понять и принять ее религиозно-культурную эксклюзивность и универсальность (например, **православие — ислам; православие — протестантизм; ислам — иудаизм** и т.д.), воплощающуюся не только лингвистически, но и экстралингвистически.

ЦЕЛЬ

Цель данной статьи — выявить и показать когнитивную и функционально-семантическую уникальность русских фразеологических единиц как культурно-конфессиональных маркеров и операциональных единиц, посредством которых формируется русская фразеологическая картина мира.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Методы и материал исследования обусловлены направлением научного поиска и определяются поставленной целью и задачами. Посредством метода *когнитивного анализа* устанавливалась специфика фразеологических единиц как маркеров определенного фрагмента знания о мире; выявлялись базовые семантико-смысловые страты/компоненты ФЕ, отражающие опыт и результат познавательной деятельности носителей национального языка. Посредством *интерпретационного анализа* исследовались ассоциативно-образные и символичные аспекты содержательной структуры различных ФЕ, отражающие их этнокультурную и лингвоконфессиональную специфику. Традиционный *описательный метод* способствовал интеграции и репрезентации полученных результатов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Интерпретация русской фразеологии как ментально-оценочной отражательной системы и духовного наследия предков обусловлена ее онтологическими и фенотипическими свойствами, которые также влияют на формирование семантической структуры фраземы и закрепление речевого смысла ФЕ. В этой динами-

ческой, постоянно развивающейся системе когнитивные механизмы, направление, основные способы и средства фразеологической концептуализации мира определяются в том числе этнокультурной, ментальной, религиозной, духовно-нравственной, конфессионально-вероисповедальной, социально-исторической самобытностью и спецификой каждого из этапов общего цивилизационного процесса, а также национальными социокультурными установками и ценностями. По наблюдениям автора, результаты фразеологической концептуализации — фразеологические единицы различных типов — отражают в языковой форме комплексную систему ценностей, выполняя функцию национально-репрезентативных операторов и лингвоконфессиональных маркеров русской народной аксиосферы.

ОБСУЖДЕНИЕ

Фразеологизм как языковой знак и явление культуры — уникальная репрезентативная единица кода экспрессивно-образной номинации, имеющая особую когнитивную организацию, характеризующаяся специфической корреляцией гносеологического, семантико-смыслового, ассоциативно-образного, этического, этнического, конфессионального и прагматического аспектов. В этом плане фразеологизмы могут интерпретироваться как ключевые знаки культуры, формирующие и отражающие ее народно-мировоззренческую основу [1. С. 46].

Сложность дефинирования фразеологических единиц отражает когнитивно-ментальную сложность и многогранность самого данного лингвистического конструкта. Идиоматичность издавна признавалась важнейшим дифференциальным признаком ФЕ: 1) «Идиомы — это такие неразделимые фразеологические сочетания, смысл которых зависит от всего целого и которые обычно не переводятся дословно на другие языки» [2. С. 81]; 2) «Идиоматические словосочетания (идиомы) — это своеобразные выражения определенных языков, являющиеся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу, обыкновенно не поддающиеся точной передаче на другие языки и требующие при переводе замен сходной стилистической окраски» [3. С. 32—33]; 3) «Готовое целое выражение с известным и данным заранее значением называется фразеологическим оборотом, или идиомом» [4. С. 100]; 4) «Все лексикализованные сочетания — идиоматичны» [5. С. 9]; «К идиомам относятся как лексикализованные сочетания, так и отдельные слова, употребляемые в переносном значении» [6. С. 97] и др. (классический период развития фразеологии). Отметим, что в постклассический и современный периоды развития фразеологической науки в понятийно-терминологическом аппарате отечественной фразеологии наблюдаются определенные эволюционные изменения, например: 1) происходит усложнение семантического критерия ФЕ; 2) идиоматичность перестает считаться автономным свойством ФЕ; 3) определяется новый формальный критерий ФЕ — сверхсловность; 4) расширяются и уточняются уже известные дифференциальные признаки ФЕ и формулируются новые; 5) ФЕ интерпретируется как когнитивный знак; 6) утверждается дискурсивность как один из важнейших признаков ФЕ; 7) рассматривается возможность трактовки ФЕ как концепта; 8) ФЕ характеризуется как фразеоконфессионализм.

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «в начале 70-х годов во фразеологии, как и в других дисциплинах европейского языкознания, завершается структурно-системный период с преобладанием в нем эмпирических и классифицирующих методов. На смену ему пришла антропоцентрическая фразеология» [7. С. 22].

Автору импонирует не потерявшая своей актуальности и релевантности точка зрения В.Н. Телии, которая считает, что термин «**фразема**» представляет собой единицу описания «всех идиоматичных сочетаний, эквивалентных слову. Фраземы представляют собой сложные структуры, специфику которых определяют элементы, подвергшиеся в составе фраземы опрошению» [8. С. 189]. «Термин “фразема” содержит в себе следующую совокупность признаков: 1) глобальную идиоматичность для явлений семантического порядка, т.е. наличие единичного перевода (или переводов) для всех компонентов фраземы; 2) отсутствие противопоставления грамматической формы компонентов фраземы другим элементам парадигмы, которыми мог бы обладать этот компонент в том же окружении, если бы он входил в регулярную модель; 3) наличие такого типа отношений между компонентами, которые не могут быть преобразованы согласно общим правилам моделирования структур синтаксического уровня» [8. С. 197]. В основе всех семантико-прагматических модификаций ФЕ лежит процессуальность фразеологического переосмысления.

Фразеологическое переосмысление есть результат взаимодействия интра- и экстралингвистических факторов, один из фразеомобразовательных механизмов. Согласно Н.Ф. Алефиренко, «отражательно-репрезентативные функции» фразеологической семантики вызваны к жизни «потребностями переосмысления и вторичной языковой объективации ранее познанного. В результате такого переосмысления происходит семантическое преобразование языковых единиц, обозначающих переосмысляемые явления окружающего мира» [9. С. 32]. В основе денотативного аспекта значения ФЕ лежит смена денотата исходного сочетания и перенос его свойств на новый денотат, вызванные полным или частичным семантическим переосмыслением этого сочетания. Полное переосмысление, сопровождающее образование идиом, основывается на каком-либо из видов тропа, на алогизме или широко известном в данной культуре речении.

Постепенно с пониманием уникальности ФЕ как семиотической и этнокультурной структуры акцент в современных исследованиях фразеологизмов (в самом широком понимании этого термина) стал смещаться в сторону их изучения в аспекте этнокультурной и лингвоконфессиональной специфики. Такой подход обусловлен тем фактом, что фразеологические единицы каждой лингвокультуры репрезентируют уникальный для каждого народа конфессиональный и этнокогнитивный опыт, являя собой особый код познания, который аккумулирован в содержании различных устойчивых выражений. В этом аспекте ФЕ представляют собой этнокультурно и конфессионально маркированную знаковую структуру как результат членения и категоризации мира носителями различных национальных языков.

Фразеологизмы и поговорки разных языков, выступая этнокультурными маркерами, формируют этнокогнитивную картину мира, в которой находит свое отражение специфика национальной культуры, уникальность ее образов, ассоци-

аций, традиций, символов, стереотипов и ментальных установок. Н.Н. Семененко отмечает, что «одной из наиболее острых дискуссионных проблем современной когнитивной паремиологии является вопрос об этноязыковой специфике и культурной универсальности единиц косвенно-производной номинации...» [10. С. 5].

Фразеологизмы выступают в качестве когнитивного средства **образного** отражения мира как результата его познания человеком, вбирая в себя мифологические, религиозные, нравственные, этические представления народов разных эпох и поколений. Фразеологический состав языка представляет собой непосредственный компонент культуры народа, отражающий особенности его духовного склада [11. С.72].

Фразеология национального языка есть его культураносный «слой», объективирующий уникальную систему ценностных и духовно-нравственных доминант социума. Мысль о том, что в каждом языке репрезентируется определенный, специфичный для него способ категоризации и концептуализации мира, а направленность и специфика самой концептуализации культурно, ментально и социально детерминированы, относится к наиболее актуальным положениям современной лингвистики [см. работы: Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, Э. Сепир, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Б.Л. Уорф, И.П. Хутыз, В.М. Шапкин и др.]. В настоящее время данная проблема стала основой ряда инновационных исследований, а реконструкция целостной картины мира по данным языка представляет собой одну из ключевых задач когнитивной лингвистики, этнолингвистики, теоретической семантики, фразеологии и фразеографии, межкультурной коммуникации и ряда иных направлений. Одним из таких направлений сегодня выступает **лингвоконфессиология**, в рамках которой ФЕ интерпретируется как культурно-конфессиональный знак, как сложный **фразеоконфессионим**.

Универсализму религиозной картины мира противопоставлена семиотико-языковая специфичность **конфессиональной** картины мира (ККМ) (например, в семиотике ислама отсутствует знак **креста**, важнейший в семиотике православия, и др.).

Выделяют следующие универсальные свойства религиозной картины мира и формирующиеся на их основе концепции:

- 1) теоцентризм, согласно которому Бог — центр, фокус философских и религиозных представлений, несотворенное бытие (все остальное — результат творения);
- 2) креационизм — учение о творении мира по Слову из ничего; творение происходит как эманация Бога, творящая новые сущности, не сливающиеся с Богом;
- 3) провиденциализм — предназначенность человека к сверхъестественной судьбе, понимание истории как осуществление заранее предусмотренного Богом плана спасения человека;
- 4) эсхатологизм — учение о конце мира и наступлении «царства божьего» [12].

На современном этапе развития лингвистики и когнитивной фразеологии актуальность изучения национальных картин мира (НКМ), в том числе и фразеологической КМ, в рамках именно **лингвоконфессионального подхода** значительно возрастает. Такая ситуация обусловлена тем, что в условиях глобализации акти-

визировалось осмысление того факта, что в каждой из НКМ хранятся и передаются все новым поколениям носителей родного языка сокровенные смыслы, символы и значения семиотических систем, запечатлено на века духовное наследие предков. Во фразеологическом ярусе национального языка представлен во всей полноте и уникальности образ национальной души, раскрыта цивилизационная эволюция самого этноса и его нравственно-духовные и конфессиональные ценности, стереотипы, опыт, мудрость; разработана и имплицитно выражена национальная программа обустройства своего мира и жизни [13]. Как одно из лингвокультурологических направлений, лингвоконфессиология органично включает в себя все релевантные аспекты исследования специфики языковой репрезентации феноменов **язык и культура, язык и религия, язык и конфессия**. Важно понимание того, что национальные языки могут быть разными, но общая конфессиональная культура обуславливает наличие в них общих базовых ценностей, представленных в лингвоконцептах, в конфессиональных концептах, конфессиональных маркерах и в других ментально-языковых конструктах. Так, культурной доминантой **православия** и православной этики (русский, украинский, белорусский языки) выступают религиозный концепт «*Душа*» и «*Любовь*» («*Бог есть Любовь*»); ключевыми понятиями **протестантизма** (английский, немецкий и другие языки) — концепты «*Труд*» («*Бог труды любит*»), «*Профессионализм*» и «*Успех*» и др. Каждый национальный язык не только закрепляет, аккумулирует и хранит в своих единицах главные постулаты, заповеди и установки определенной конфессии, но и способствует тому, что все они воспроизводятся в **конфессиональной памяти** и менталитете народа из поколения в поколение. Например, английская пословица «*Лучше десять завистников, чем один сострадалец*» отражает аспектность протестантской этики, главное в которой — добросовестный труд как высшая добродетель. *Завистники* выступают мощным стимулом к тому, чтобы добросовестным трудом добиться успеха в жизни. Русская поговорка «*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*» выступает конфессиональным маркером православия, репрезентируя *дружбу* как духовную ценность, стоящую выше материального блага. Арабская пословица «*Дом с детьми — базар, дом без детей — могила*» посредством противопоставления ключевых лексем «**базар**» и «**могила**» отражает ценностные установки ислама: главное в жизни и в иерархии ценностей ислама — это семья, в которой обязательно есть дети как символ будущего. Аналогично этому *семья* как высшая ценность представлена и в русской фразеологической картине мира, выступая отражением православной культуры: «*Вся семья вместе — так и душа на месте*». Конфессиональный маркер православия — лексема «*душа*» — сопряжена в едином когнитивном узле с понятием семьи.

Языковая концептуализация православия как духовного наследия предков ярко проявляется в системе таких русских ФЕ, в состав которых входят православноориентирующие лексемы-маркеры *Бог, Богородица, Дух Святой, душа, грех, терпение, молитва, милость, вера, надежда, любовь, совесть, милосердие, миролюбие, нравственность, благо* и др. Например: *Бог помочь; Божья душа; Милостивому человеку и Бог подает; Терпенье — лучшее спасенье; Не потерпев, не спасешься; В мире жить — с миром жить; Где любовь, тут и Бог; Любящих и Бог любит; Вера и гору с места сдвинет; Жив Бог — жива душа моя* и многое др. [14; 15].

Центральным этическим понятием многих конфессий выступает понятие *греха*, которое В.А. Маслова и другие ученые относят к ключевым концептам русской культуры [16]. Ю.С. Степанов, конкретизируя тему словарной статьи «Грех», связывает ее с концептом «Тоска»: «Концепт «Тоска» в связи с понятиями **греха и искупления**» [17. С. 890] (выделено авт. — Л.Б.). Таким образом, уже в самой формулировке темы сопряжены два базовых христианских понятия. Актуальна следующая мысль ученого: еще до того, как С. Кьеркегор, теолог протестантизма, занялся анализом этого концепта, последний уже был предметом размышлений отцов Восточной церкви. Св. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» посвятил этому понятию целый раздел [17].

В русском менталитете, отраженном в том числе и в семантике ФЕ, актуальна не столько связь данного понятия с определенным религиозным содержанием, сколько его морально-нравственная наполненность и общечеловеческая значимость.

Как уже отмечалось, паремии так же, как и фразеологизмы, следует считать богатейшим источником культурно-национальной интерпретации действительности, так как они содержат обширные сведения о мировидении народа. Паремии обнаруживают «глубинное родство с концептами русской культуры, характеризуя поразительную ментальную «гибкость» русского народа» [18. С. 102]. Пословицы и поговорки не только отражают народную мудрость, духовно-ценностную картину мира россиян, но и в назидательно-афористической форме репрезентируют «сумму активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека» [19. С. 101]. Русские паремии, являясь специфическими единицами культурного кода познания, характеризуются высокой метафоричностью, образностью, афористичностью, чему способствует их двуплановость, своеобразный синтез прямого и переносного смыслов.

Когнитивно-семиотическое пространство русской фраземики и паремиологии фиксирует и отражает определенные аспекты **авторитарной этической системы**, характерной для русского народного конфессионально-культурного сознания. Например, фрагменты этой системы репрезентированы в следующих паремиях: 1) *Един Бог безгрешен; Один Бог без греха* и др. (констатация абсолютной безгрешности Бога как высшей власти и силы, непричастности Бога ко Злу); 2) *Все Адамовы дети; Грешна душа — во что Бог поставит; Все одного отца детки; Рожденные во плоти причастны к греху* и др. (констатация онтологической греховности каждого человека, так как все люди — суть потомки грешного Адама и несут на себе тяжесть его греха); 3) *Не лекарь спасает, а Бог; Одно спасенье: пост да молитва* и др. (констатация того, что только покайся, только признав над собой власть Божью возможно искупить вину перед Господом) [20].

В многогранной русской народной культуре, отраженной в языке, представлены также аспекты и **гуманистической этики**, для которой характерно признание того, что законодателем, приверженцем и исполнителем морально-этических и нравственных норм выступает сам человек. Представители гуманистического взгляда на этические законы и нормы (Сократ, Ницше) убеждены, что врожденной вины у человека нет, что он рождается духовно и нравственно чистым и непорочным. Причинами грехов выступают собственная духовная слабость, слабо-

волие, неумение и нежелание противостоять различным соблазнам, человеческая лень вообще. Черты гуманистической этики в русском фразеологическом континууме репрезентированы следующими устойчивыми единицами: 1) *Грешному путь вначале широк, да после тесен; Не поддавайся черту, так ему и власти нет над тобой; Грехи не пироги, пережевав не проглотишь* и др. [20] (констатация права и возможности самостоятельного выбора человеком между Добром и Злом; права и возможности свободного выбора человеком собственного жизненного пути); 2) *Грех сладок — человек падок; Ангел помогает, а бес подстрекает; Мы люди темные; не знаем, в чем грех, в чем спасение* и др. [20] (констатация того, что человек грешит по своей воле, слабости и неразумности; что грехи его есть его вина, что он является первопричиной своих грехов); 3) *Все на свете по грехам нашим дается; Чья беда, того и грех; Чья душа во грехе, та и в ответе* и др. [20] (констатация того, что наказание дается человеку за его собственные грехи, за неумение и нежелание поступать праведно).

По данным русской фразеологии, для православного человека **грех** — это отказ от Бога, любая неправда, ябедничество, брань, божба, воровство. В форме назидания в пословицах и поговорках проводится мысль о том, что грешно браниться, многое обещать, обижать людей, говорить плохое о ком или о чем-либо, давать/брать клятву, ходить без денег в церковь. Бедность также считается грехом, к тому же с оценкой «нет хуже». Это обусловлено тем, что именно бедность часто подталкивает человека к воровству, убийству, обману, являясь их причиной или следствием лени, нежелания трудиться.

Анализ паремий показывает, что богатство и деньги русским народным самосознанием в целом осуждаются. **Богатство** считается «великим» грехом перед Богом, если оно нажито нечестным способом. В деньгах же, по данным паремиологического и фразеологического фонда, православный народ видит корень зла: деньги искушают человека, толкают на преступление, помогают избежать справедливого наказания: *Богатство перед Богом великий грех, а бедность — перед людьми; Казенное (Казна) на грех наводит; Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом* [15].

Еще одним важнейшим фрагментом фразеологической картины мира, репрезентирующим особенности национального мировидения и духовного наследия предков, выступает континуум фразеологических и паремических единиц, обладающих **цветовой символикой**. Это определяется тем, что восприятие цвета и его оценка представляют собой достаточно субъективные явления, связанные не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но наряду с субъективным восприятием цвета индивидуумом существует и интерсубъективность в отношении к различным цветам. В этом случае мы имеем дело с символикой цвета [21. С. 136]. Л.А. Голубь приходит к выводу о необходимости выделения **национальной цветовой картины мира**, поскольку этнокультурный компонент в развитии цветоименований детерминирован национальной культурной моделью. По мнению исследователя, этническое своеобразие цветовой картины мира составляют промежуточный предмет-эталон цветообозначения и символика, которая полностью зависит от культурной традиции [22. С. 22].

Способность отдельных цветов выступать в качестве символа чего-либо связана с особенностями взаимодействия цвета с сознанием и ощущениями человека. Существует мнение, согласно которому различные цвета выполняют информативную функцию в окружающей среде и поэтому стали общими символами для репрезентации различных понятий, феноменов и явлений. Цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, отражая присущие только определенному языковому коллективу ассоциативно-образные связи системы денотатов, традиций, обычаев, условий жизни и др. Большое значение в становлении **символьной** системы цветообозначений имеет потребность человека в обозначении разных групп тонов, связанная с частотой проявления оттенков цветов в окружающей природе и с практическими нуждами языкового коллектива. Лексемы-цветообозначения, лексемы-колоризмы, выражающие актуальные «жизненные» понятия, выступают стержневым компонентом многих фразеологических выражений, в силу чего такие ФЕ характеризуются символичностью, образностью, эмоционально-экспрессивной окрашенностью, оценочностью, способностью транслировать новое культурное знание. Каждая культура, по мнению Н.В. Серова, имеет свой цвет. Изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль цветообозначений. Семантика названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: от культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо [23]. Цветовое восприятие объектов окружающего мира, являясь важным аспектом познавательной деятельности человека, находит свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц связано с появлением метафорических значений у слов-цветообозначений, на что решающее влияние оказывает символика цвета [24].

Фразеологизмы с компонентами-колоризмами выступают эффективным средством категоризации и вербализации мира, отражая в символической форме результаты познавательной и абстрагирующей деятельности человеческого мышления. Например, в русской лингвокультуре ФЕ с компонентом «**белый**» в образно-символьном ключе репрезентируют следующие объекты познания: 1) **Человека** — *Белая ворона; Белая кость; Белый негр* и др.; 2) **Болезнь** — *Белая горячка*; 3) **Документ** — *Белый билет*; 4) **Природные явления и феномены** — *Белые мухи; Белый свет; Белое золото*; 5) **Состояние и эмоции человека** — *Доводить/довести кого-л. до белого каления; Света белого не видеть* и др. Примеры взяты из работ [14; 25].

В системе русских устойчивых сравнений (УС) лексема «**белый**» часто используется при описании цвета лица человека, испытывающего **сильный страх, волнение или болезненное состояние**: *Белый как бумага; Белый как мел; Белый как мука; Белый как полотно; Белый как стена/стенка* [26. С. 32–33].

ФЕ с компонентом «**черный**» в образно-символьном ключе репрезентируют следующие объекты познания: 1) **Человека** — *Черная душа; Черная кость; Черная сотня; Черный клобук* и др.; 2) **Болезнь, нездоровье** — *Черная немочь; Черная смерть*;

3) **Неудачный, несчастливый период жизни, время, трагическое событие** — *Черная полоса; Черный понедельник; Черная пятница; (На) черный день; Черный год* и др.; 4) **Отношение к человеку** — *Держать в черном теле; Черная неблагодарность; Рисовать черными красками*; 5) **Состояние и эмоции человека** — *Чернее ночи (тучи)* и др. Примеры взяты из работ [14; 25].

ФЕ с компонентом «золотой» в образно-символьном ключе репрезентируют следующие объекты познания: 1) **Человека** — *Золотая голова; Золотая молодежь; Золотое сердце; Золотые руки; Золотых дел мастер; Золотой мешок* и др.; 2) **Счастливым период в жизни, счастливое время** — *Золотая пора; Золотая свадьба; Золотое время; Золотой век* и др.; 3) **Материальные ценности, деньги, богатство** — *Золотые горы; Золотой дождь; Золотой телец; Золотое дно; Золотой фонд* и др.; 4) **Действия, поступки** — *Купаться в золоте; Осыпать золотом; Золотить/Позолотить пилюлю* и др. Примеры взяты из работ [14; 25]. Подобной символикой обладают многие русские ФЕ с компонентами «красный», «голубой», «розовый», «синий», «серый» и др.

Таким образом, следует признать, что русские «цветовые» ФЕ отражают оценивание и **оценку** национальным менталитетом тех или иных предметов, объектов, поступков, событий, явлений, состояний, отношений и др. по градационной шкале «хорошо-плохо», «хороший-плохой» в образной форме показывая тем самым, как надо и нужно поступать, а как — плохо и нельзя.

Дальнейшее исследование лингвоконфессиональной специфики ФЕ как знака культуры и духовно-конфессионального маркера этноса является весьма перспективно: 1) необходимо установить семантико-смысловые акценты содержательной структуры ФЕ национальных языков, репрезентирующих конфессиональные ценности и константы; 2) актуально сопоставительное изучение **фразеоконфессионализованных** языков мировых конфессий — английского, французского, немецкого, арабского, китайского и др.; 3) перспективны исследования фраземики в рамках лингвоконфессиологии для выявления и описания универсальных и эксклюзивных параметров **фразеологических лингвоконфессиональных (ЛК) картин мира** (православной ЛККМ, исламской ЛККМ, протестантской ЛККМ, буддистской ЛККМ, ЛККМ иудаизма и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеологизмы представляют собой уникальное когнитивное средство **образного** отражения мира как результата его познания человеком, вбирая в себя мифологические, религиозно-конфессиональные, нравственные и этические представления народа. Фразеология национального языка есть его культураносный «слой», объективирующий оригинальную систему ценностных и духовно-нравственных доминант социума. Русские ФЕ характеризуются как **национальные стереотипы** народной культуры, так как их когнитивная, семиотическая, образно-ассоциативная и денотативно-ситуативная мотивированность определяются менталитетом и мировосприятием самого народа. Формируясь на основе оценочного и образно-экспрессивного представления действительности, фраземы отражают и выражают обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, обусловленный традициями и спецификой его культуры

в целом. Именно поэтому представляется возможным трактовать фразеологическую картину мира как **национальную** в самом широком понимании: в ней в ассоциативно-образной форме репрезентируются общие представления людей, относящихся к одному этносу, о мире и своем месте в нем; их тождественные реакции на типичные ситуации; во многом похожие оценки и суждения.

Носители русского языка, формируясь в течение всей жизни в процессах воспитания и образования как языковые личности, опираясь на фразеологический фонд родного языка, постепенно «встраивают» — посредством речезыковой и коммуникативной деятельности — в свою когнитивную систему культуруносную информацию о нормах и традициях общечеловеческих взаимоотношений, принятых в данном этносе. Русская фразеология, таким образом, — своеобразный **код познания**, предметом которого, в свою очередь, выступает человек как носитель и выразитель конфессионально-духовных и культурных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г.* Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. М.: Флинта; Наука, 2012. 184 с.
- [2] *Будагов Р.А.* Очерки по языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 279 с.
- [3] *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. Ч. II. М.: Учпедгиз, 1954. 175 с.
- [4] *Финкель А.М., Баженов Н.М.* Современный русский литературный язык. Киев: Радянська школа, 1954. 540 с.
- [5] *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1955. 402 с.
- [6] *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1960. 432 с.
- [7] *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008. 272 с.
- [8] *Телия В.Н.* О термине «фразама» // Проблемы лингвистического анализа. М.: Наука, 1966. С. 186—199.
- [9] *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.
- [10] *Семенов Н.Н.* Русские пословицы: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011. 353 с.
- [11] *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
- [12] Атеистический словарь. М.: Политиздат, 1986. 512 с.
- [13] *Буянова Л.Ю.* Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: методологический инструментарий и понятийный аппарат // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. № 21. Украина, Одесса: Астропринт, 2014. С. 23—27.
- [14] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1989. 2289 с.
- [15] *Зимин В.И., Спиринов А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Скуита, 1996. 544 с.
- [16] *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 183 с.
- [17] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академия, 2001. 990 с.
- [18] *Семенов Н.Н.* Русская пословица как объект лингвокультурологического анализа // Фразеология-2000. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. С. 101—103.
- [19] *Фархутдинова Ф.Ф.* Роль пословиц в лингвокультурологических исследованиях // Фразеология-2000. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. С. 100—101.
- [20] *Пословицы русского народа: сборник пословиц В.И. Даля: в 3-х т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. 637 с.*

- [21] Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
- [22] Голубь Л.А. Сквозные мотивы языковой картины мира (на примере лексико-семантического поля «Цвет» в английском и русском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 19 с.
- [23] Серов Н.В. Цвет культуры. СПб.: Речь, 2003. 672 с.
- [24] Серов Н.В. Эстетика цвета. Методологические аспекты хроматизма. СПб.: ФПО-ГОО «БИОНТ», 1997. 64 с.
- [25] Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
- [26] Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. М.: Флинта; Наука, 2013. 316 с.

© Буянова Л.Ю., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.03.2017

Дата принятия к печати: 10.04.2017

Для цитирования:

Буянова Л.Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 285—298. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298

Сведения об авторе:

Буянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; основатель научной школы «Функциональная терминологическая дериватология и семиотика языка науки». Академик АПСН РФ (Академии педагогических и социальных наук РФ); член-корреспондент РАЕН (Российской академии естественных наук); профессор РАЕ (Российской академии естествознания); Член РоссТерма. Ветеран труда. Сфера научных интересов: фразеология, лингвоконфессиология и лингвоконцептология, когнитивная дериватология, терминологическая деривация языка науки, лингвистика предметной области, языковая концептуализация и категоризация, эмотивность и эмоциогенность языка, семиотика. Автор более 390 научных публикаций, в том числе 2 словарей, 8 монографий, 12 глав в десяти коллективных монографиях. Контактная информация: электронный адрес: lub_prof@mail.ru

PHRASEOLOGY AS A CULTURAL COGNITION CODE AND SPIRITUAL HERITAGE OF OUR PREDECESSORS

L.Y. Buyanova

Kuban State University
Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The article is devoted to the actual topic of modern linguistics — the problem of studying phraseology as cognitive and semiotic layer of Russian linguistic culture. Its units naturally combine information

about different aspects of folk life and its spiritual heritage. The aim of the article is to show cognitive, functional and semantic specificity of Russian idioms as cultural and confessional factors and operational units which form Russian phraseological world view. The material of the article are phraseological units taken with the help of continuous sampling method from established phraseological dictionaries and collections of Russian sayings and idioms. The key method of the article is the descriptive method, but we have also used cognitive analysis, semantic modelling, interpretative analysis. It is for the first time when the analysis of phraseological units is used in a new branch of cultural linguistics — linguoconfessiology, while the phraseological units are considered as cultural and confessional marker, as a complex phraseoconfessionism. This aspect allows us to conclude that phraseological units are ethno- and confessionally marked structures and the result of world decomposition and categorization. The result of the research is the conclusion that phraseological layer of a national language presents fully and in a unique way the image of a national soul, shows civilization development of the ethnos and its ethical and confessional values, stereotypes, experience, wisdom, works out and implicitly presents the national way of world and life arrangement.

Key words: phraseological unit, basic values, confessional culture, mentality, phraseological world picture, cognition code, Orthodox ethics, verbalization, linguoconfessiology

REFERENCES

- [1] *Bujanova L.Ju., Kovalenko E.G.* Russkij frazeologizm kak mental'no- kognitivnoe sredstvo jazykovoj konceptualizacii sfery moral'nyh kachestv lichnosti. M.: Flinta; Nauka, 2012. 184 s. (In Russ.)
- [2] *Budagov R.A.* Oчерki po jazykoznaniju. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. 279 s. (In Russ.)
- [3] *Bulahovskij L.A.* Vvedenie v jazykoznanie. Ch. II. M.: Uchpedgiz, 1954. 175 s. (In Russ.)
- [4] *Finkel' A.M., Bazhenov N.M.* Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk. Kiev: Radjans'ka shkola, 1954. 540 s. (In Russ.)
- [5] *Reformatskij A.A.* Vvedenie v jazykoznanie. M.: Uchpedgiz, 1955. 402 s. (In Russ.)
- [6] *Reformatskij A.A.* Vvedenie v jazykoznanie. M.: Uchpedgiz, 1960. 432 s. (In Russ.)
- [7] *Alefirenko N.F.* Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradig. M.: JeLPIS, 2008. 272 s. (In Russ.)
- [8] *Telija V.N.* O termine «frazema» // Problemy lingvisticheskogo analiza. M.: Nauka, 1966. S. 186–199. (In Russ.)
- [9] *Alefirenko N.F.* Frazeologija v sisteme sovremennogo russkogo jazyka. Volgograd: Peremena, 1993. 149 s. (In Russ.)
- [10] *Semenenko N.N.* Russkie paremii: funkcii, semantika, pragmatika. Staryj Oskol: ROSA, 2011. 353 s. (In Russ.)
- [11] *Zhukov V.P.* Semantika frazeologicheskikh oborotov. M.: Prosveshhenie, 1978. 160 s. (In Russ.)
- [12] *Ateisticheskij slovar.* M.: Politizdat, 1986. 512 s. (In Russ.)
- [13] *Bujanova L.Ju.* Lingvokonfessiologija v sisteme sovremennoj gumanitarnoj gnoseosfery: metodologicheskij instrumentarij i ponjatijnyj apparat // Mova: nauko- teoretichnij chasopis z movoznavstva. № 21. Ukraina, Odessa: Astroprint, 2014. S. 23–27. (In Russ.)
- [14] *Dal V.I.* Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4-h t. M.: Russkij jazyk, 1989. 2289 s. (In Russ.)
- [15] *Zimin V.I., Spirin A.S.* Poslovicy i pogovorki russkogo naroda. Objasnitelnyj slovar. M.: Sjuita, 1996. 544 s. (In Russ.)
- [16] *Maslova V.A.* Lingvokul'turologija. M.: Akademija, 2001. 183 s. (In Russ.)
- [17] *Stepanov Ju.S.* Konstanty: Slovar russkoj kultury. M.: Akademija, 2001. 990 s. (In Russ.)
- [18] *Semenenko N.N.* Russkaja poslovica kak ob'ekt lingvokul'turologicheskogo analiza // Frazeologija–2000. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2000. S. 101–103.
- [19] *Farhutdinova F.F.* Rol paremij v lingvokul'turologicheskikh issledovanijah // Frazeologija–2000. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2000. S. 100–101. (In Russ.)
- [20] *Poslovicy russkogo naroda: sbornik poslovic.* V.I. Dalja: V 3-h t. M.: Russkaja kniga, 1993. T. 1. 637 s. (In Russ.)

- [21] *Frumkina R.M.* Cvet, smysl, shodstvo: aspekty psiholingvističeskogo analiza. M.: Nauka, 1984. 175 s. (In Russ.)
- [22] *Golub L.A.* Skvoznye motivy jazykovej kartiny mira (na primere leksiko-semantičeskogo polja «Cvet» v anglijskom i ruskom jazykah): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 19 s. (In Russ.)
- [23] *Serov N.V.* Cvet kultury. SPb.: Rech, 2003. 672 s. (In Russ.)
- [24] *Serov N.V.* Jestetika cveta. Metodologičeskie aspekty hromatizma. SPb.: FPO-TOO «BIONT», 2003. 64 s. (In Russ.)
- [25] *Frazeologičeskij slovar' ruskogo jazyka / Pod red. A.I. Molotkova.* M.: Russkij jazyk, 1978. 543 s. (In Russ.)
- [26] *Lebedeva L.A.* Ustojčivye sravnenija ruskogo jazyka: tematičeskij slovar. M.: Flinta; Nauka, 2013. 316 s. (In Russ.)

Article history:

Received: 02.03.2017

Accepted: 10.04.2017

For citation:

Buyanova L.Y. (2017) Phraseology as a cultural cognition code and spiritual heritage of our predecessors. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 285—298. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298

Bio Not:

Lyudmila Buyanova, Dr. Sc. in Philology, Professor, Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Kuban State University»; General and Slavic Russian Linguistics Department; Professor. Founder of the scientific school «Functional Terminological Derivatology and Semiotics of the Language of Science». Academician of APSN of the Russian Federation (Academy of Pedagogical and Social Sciences of the Russian Federation); Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS); Professor RAE (Russian Academy of Natural Sciences); Member of RossTerm. Veteran of Labour. *Research interests:* phraseology, linguo-confessionology and linguoconceptology, cognitive derivatology, terminological derivation of the language of science, linguistics of the subject domain, linguistic conceptualization and categorization, emotivity and emotiogeneity of language, semiotics. Author of more than 390 scientific publications, including 2 dictionaries, 8 monographs, 12 chapters in 10 collective monographs. *Contact information:* e-mail: lub_prof@mail.ru